

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЛУННИЦЫ КОНЦА X – НАЧАЛА XI вв. ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА «ВОСХОД». СЕМИОТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ.

Лунницы представляют собой привеску, имеющую форму полумесяца, рога которого обращены вниз. Лунницы известны с конца эпохи бронзы. Бытовали в Египте, а также у многих земледельческих народов Европы и Азии, отражая почитание Луны, связанное с культом плодородия.

Это типичное и наиболее распространенное общеславянское женское украшение. Данный тип привесок известен в Сербии, Чехии, Словакии, Польше, Венгрии, Германии, Финляндии, Швеции [16, с. 68-69]. Первые лунницы фиксируются уже в киевской культуре, на памятниках которой обнаружены узкие двурогие и широкие «трёхрогие» лунницы III–IV вв. н. э. [20, с. 322]. В IX в. появляются моравские «трёхрогие» лунницы. Примечательно, что в период с IV по IX вв. находки лунниц на восточнославянских землях практически не известны. Но уже в X в. начинается их широкое распространение, и вплоть до середины XIV в., они не выходили из состава женского убора. При этом Н. Хамайко замечает, что в Моравии, Польше, Румынии, Швеции клады женских украшений, содержащие филигранно-зерновые лунницы, так же, как и на Руси, обязательно включают серьги, подвески головного убора и шейные украшения византийских типов. Из этого исследовательница делает вывод, что такой комплекс украшений был сформирован под значительным импульсом влияния Византии, который первой ощутила Великая Моравия [20, с. 322].

В научном мире весьма дискуссионными остаются два основных вопроса: появление лунниц в славянской среде и семиотическое значение лунного артефакта. Одним из первых исследователей, кто разработал классификацию и впервые высказался о появлении лунниц у славян, была В.В. Гольмстен [5, с. 4-16]. По мнению исследовательницы, данный вид украшений является следствием арабского влияния и, возможно, даже импорта. При этом Гольмстен также высказала предположение о заимствовании лунного украшения с Востока, но без восточного семиотического смысла, то есть эти лунницы являлись только амулетами, они не

служили предметами мусульманской пропаганды. Такая интерпретация лунницы как украшения не исключает при этом последующего развития лунницы непосредственно на славянских землях [5, с. 17-18].

Ж. Бланкофф отмечает, что на территории будущей Киевской Руси в эпоху скифской цивилизации среди найденных в курганных могильниках украшений также встречались и лунницы. Однако они не получили широкого распространения, т.к. в скифском искусстве доминировали символы животных [1, с. 27]. Исследователь обратил внимание на тот факт, что в византийской культуре довольно часто встречаются лунообразные подвески к серьгам. Они, как правило, украшены ажурными изображениями птиц, противопоставленных друг к другу. В Крыму обнаружены лунницы и формы для их литья VIII–IX вв. Исходя из данных фактов, Ж. Бланкофф сделал вывод, что Крымская область служила посредницей между Византией и Киевской Русью в распространении данного вида украшений [1, с. 28]. Среди возможных причин сужения бытования лунниц в XIII в. Бланкофф называет экономический и политический кризис, наступивший в связи с нашествием монголов; другой причиной могло послужить вытеснение старой языческой символики христианством, третьей причиной могло стать восприятие полумесяца как символа монгольских мусульман, который был отброшен как символ угнетения [1, с. 30]. Ни одна из высказанных причин не может считаться бесспорной, т.к. в период нашествия монголов другие украшения продолжают существовать; если в раннем средневековье лунницы попадают в земли восточных славян из христианской Византии, то как они могут быть вытеснены тем же христианством? И последнее – монголы до принятия ислама были долгое время анимистами [1, с. 30].

Изображение луны отождествлялось с греческой богиней Селеной, а в славянском язычестве с божеством луны Денницей [12, с. 20-21]. Б.А. Рыбаков писал: «Если руководствоваться мифологией, то их (лунницы) следует считать принадлежностью девичьего убора, так как Селена – богиня Луны – была покровительницей девушек» [11, с. 17].

Интерес представляет эволюция представлений о семантике лунницы между рогами которых помещён крест, так называемые «крестовключённые» лунницы (рис. А1:1). В.П. Даркевич, исходя из того, что в языческих религиях солнце и месяц – божества-покровители брака, заключает, что эти небесные светила являются божественной брачной парой, где месяц является мужским началом (жених), а солнце – женским (невеста). Этот брачный союз послужил прототипом человеческих браков, которые отдавались под покровительство двух небесных светил. Подтверждение

выказанному В.П. Даркевич находит в белорусской свадебной поэзии, фольклорных песнях и свадебном хлебе, форме которого часто придавался вид солнца или месяца [6, с. 61-62].

Совершенно иную интерпретацию данному типу лунниц даёт Б.А. Рыбаков, считая символ месяца и солнца (крест) соединением дня и ночи [13, с. 535]. Иначе трактованы крестовключённые лунницы Б.В. Сапуновым. отождествляя крест не с языческим символом солнца, а с главным символом христианства, исследователь приходит к выводу о духовном синкретизме во время и после церковной реформы Владимира [20, с. 120]. Данное предположение не голословно и подтверждается археологическими находками из Мишино, где была обнаружена ювелирная мастерская. В ней найдены формы креста-нательника, который соединялся с серпом лунницы. Однако, как отмечает Н. Хамайко, такие предметы обязательно проходили процедуру освящения. Из этого следует вывод о невозможности осознанного языческого подтекста в данном украшении [20, с. 330].

По мнению Н.В. Жилиной, декор филигранных лунниц отражал общеславянские языческие представления; в X в. он скорее выполнял функцию декоративную, поскольку весь скандино-зернистый узор этого времени был подчинен идее престижности, «визуальному» выделению древнерусской знати [20, с. 321].

Рис. А1 – лунницы;

1 – лунница

«крестовключённая»;

2 – лунница из кургана №40:

а – символические точки;

б – рельефные полосы;

в – «добавочный день».

Вопрос о появлении культа Луны в каменном веке был затронут Э.М. Зайковским. В своих исследованиях учёный, ссылаясь на А.В. Бутко и Н.С. Зеликсона, приводит интересную гипотезу, согласно которой в верхнем палеолите Луна ночью не была видна, т.к. ещё не была захвачена полем земного притяжения. Этот захват, по мнению исследователей, произошёл в 12 тыс. лет до н.э. [8, с. 83]. После чего под воздействием солнечной радиации началась активная ионизация атмосферы Земли. Неходя из этого, В.Г. Власовым высказана мысль о том, что люди вынуждены были переходить на ночной образ жизни, тем самым спасаясь от облучения. Своё предположение Власов подкрепляет традицией правления купальской ночи. Далее исследователь отмечает, что попадание Луны под воздействие Земли и Солнца вызвало на нашей планете значительные приливные паводки, а также изменение флоры и фауны. Исходя из этого, люди получили возможность охотиться на большее количество животных, с чем и связано, по мнению Власова, появление культа Луны [3, с. 15-21]. Данная теория, на наш взгляд, выглядит довольно убедительно. Она является смелой авторской гипотезой, однако не верифицируется источниками.

Переходя к вопросу о семиотическом значении лунниц, следует отметить, что долгое время они рассматривались только в языческом контексте. Так, ещё в 1949 г. Б.А. Рыбаковым, на основе исследований погребального инвентаря женских захоронений черниговских курганов, был сделан вывод о лунницах как о чисто девичьих языческих амулетах. Лунницы признавались оберегом женского здоровья. Влияние Луны на физиологическое состояние женщины было известно еще в древности. А потому и амулет луны наделялся способностью предотвращать развитие различных заболеваний, а также способствовал лёгкому протеканию беременности, уменьшал боль при родовых схватках [15].

Однако в 90-е гг. прошлого века ряд исследователей ставят под сомнение утверждение о том, что лунница является порождением чисто языческого представления. Так, Ж. Бланкофф высказался о вероятности заимствования лунниц из византийской культуры. При этом исследователь трактует их как общий языческий символ, характерный для индоевропейцев с эпохи бронзы до XIII в. и трансформировавшийся, тем не менее, в христианской среде в XI–XIII вв. в символ Богородицы [20, с. 320-321]. Более развёрнутое обоснование этой мысли представила в своём исследовании П. Хамайко. Исследовательница отмечает, что древний тип католической иконографии Девы Марии имеет название «Луна» (Luna)

Уже само его древнее название свидетельствует, что образ Мадонны заменил образ римской богини Луны. Одним из древнейших изображений «христианской Луны» является барельеф на капители-импосте в церкви Квинтанилла де лас Винас (Испания) эпохи визиготов (VII–VIII вв.). Он содержит включенное в медальон нагрудное изображение человека с полумесяцем на голове (предположительно Девы Марии) в окружении ангелов. Изображение довольно схематичное, но надпись LVNA не оставляет сомнений, что оно скопировано с уже существующего иконографического типа [20, с. 333].

Древнерусские лунницы и в X в., и в XI–XIII вв. найдены в комплексах ожерелья вместе с выразительными христианскими символами, что позволяет усомниться в их предназначении как языческих амулетов. Перед нами, скорее, обычное женское украшение. Второй, предложенный в историографии, вариант решения предполагает, что лунницы у славян подобно амулетам вышли из среды Римской империи народов католических стран, воспринимались уже как оберег христианский, символ Девы Марии [20, с. 334].

Что же касается дискуссионного вопроса о том, являлись ли лунницы украшением девушек или замужних женщин, то стоит обратить внимание на упомянутые выше раскопки в Чернигове и его окрестностях, где лунницы составили часть погребального инвентаря девочек-подростков и молодых женщин XI в. [1, с. 29]. Автор данной работы считает нужным сопоставить находки из погребений с результатами антропологических исследований костяка, что позволит узнать возрастную закономерность в пошении лунниц. Также необходимо учитывать: обнаружена находка в парном погребении (мужчины и женщины) либо в одиночном, и в каком количестве, а также входили ли в комплекс погребального инвентаря височные кольца или же нет. Мы предполагаем, что лунницы в единственном экземпляре при отсутствии височных колец будут свидетельствовать о подростковом возрасте погребённой или же о её незамужнем статусе. Находки же лунниц в количестве семи экземпляров (возможно 1/1 – неск. ед.) в комплексе с височными кольцами, напротив, будут говорить о замужнем статусе. По идее, данное соотношение может быть и показателем того, являлась ли обладательница привесок роженицей или нет. Относительно курганного могильника Восход отметим, что один экземпляр происходил из одиночного женского погребения в комплексе с тремя височными кольцами. В парном же погребении мужчины и женщины, при женском костяке было обнаружено семь лунниц и шесть височных колец.

С принятием христианства главную функцию охранительных оберегов приобретают крест и иконы. Однако традиции язычества приспособивались к новой религии, они видоизменялись и заняли свою нишу в новой системе миропонимания. Луна уступает свои позиции, однако не утрачивает их совсем и даже в XVII – XVIII вв. фигурирует, наряду с солнцем, в русских заговорах, а именно в «мотивах чудесного одеснения» [9, с. 77-79, 253-258]. В некоторых заговорах рисуется такая ситуация, когда луна оказывается внутри человека: «Ангел со мною ест, солнце одесную мене, и звезды по главе моей, и луна в телесе моем» [18]. «Освечусь я светлым месяцем; осияюсь красным солнышком; препоношусь буйны ветры, отычусь часты звезды. *Солнце деснует, луна в теле ходит; по главе моей звезды ходят*» [18]. «<Небесные силы> облакают меня облаками, покрывают мя небесами, опоясывают поясом Пресвятая Богородицы Марии, *во главе солнце, на серцы месяцы, состави – частыя звезды...*» [17].

Н.Г. Гусаков, исследователь древних восточнославянских святилищ, заключает, что ориентиром при строительстве святилищ была луна, которая каждый месяц повторяет одни и те же пункты восхода и захода, в то время как Солнце и другие звёзды не могли являться такими реперами, т.к. меняют свою траекторию движения [8, с.88].

Исследуя языческие святилища Беларуси, Украины, России и Польши, Н.Г. Гусаков заметил несколько закономерностей – наиболее разноразнообразными оказались западные сектора святилищ, в них имелись места очагов, размещённых по определённым календарным датам. Также на всех памятниках размещались метки, которые исследователь трактует как точки восхода и захода «высокого» и «низкого» месяца, но не всегда отмечены такие точки для движения Солнца [8, с.89].

За весь период исследования курганного могильника «Восход» было выявлено 15 находок лунниц. Одна привеска была обнаружена в кургане №23, а в курганах №69 и №45 при погребённых было по семь экземпляров. Все находки были зафиксированы в женских погребениях. Согласно классификации В.В. Богомольникова, все лунницы относятся к типу 15 ширококоронные, варианту 1 косолинейные простые. Согласно классификации В.В. Гольмстен. отдел литые, тип ширококоронные средние (25–40 мм). Как отмечает Я.Г. Риев, данный вид лунниц обнаружен в погребениях в основном у рачимичей [10, с.22]. Лунницы изготовлены в технике литья по восковой форме. Аналогичные лунницы обнаружены в Веточке IV, Влазовичах, Гадилевичах, Деревуе, Каменке, Козаричах, Гадилевичах II, Нильне, Чаусах, Юдичах и др. [2, с.73]. Согласно Б.А. Рыбакову

широкорогие лунницы были найдены в Кричеве, Туравичах, Иналитовке, Обидавичах, Улазовичах, Людкове [14, с.93]. Как отмечает Н.П. Журжина, литые широкогогие лунницы, как и круторогие, наиболее характерны для деревенских курганов. Замечено, что, несмотря на родство вадимичей и вятичей, они весьма редки у последних и совершенно отсутствуют в костромских курганах [7, с.133-134].

На данном типе лунниц выделяются три символические точки (рис. А1:2). Первая представляет собой малый треугольник, расположенный выше левого рога – традиционный символ молодого месяца. Вторая точка – треугольник над правым рогом, который, соответственно, символизирует старый месяц. В центре композиции находится третья точка – треугольник, расположенный вершиной вниз, который, судя по всему, символизирует диск полной луны.

Треугольник, направленный вершиной вниз, как считается в славянском язычестве, является символом Мары – богини смерти, но также и олицетворением женского начала. В пользу именно такой трактовки центрального треугольного знака в косолинейных лунницах служат исследования М.Гимбутас. Изучая абстрактные знаки – символы, от которых произошла письменность, Гимбутас приходит к заключению, что знак «V» происходит от обозначения вульвы или лобкового треугольника, одного из древнейших символов во всём доисторическом искусстве [4, с.343]. В качестве доказательства были приведены верхнепалеолитические статуэтки из Мезина и статуэтки культуры винча V тыс. до н.э. (рис. А2:1).

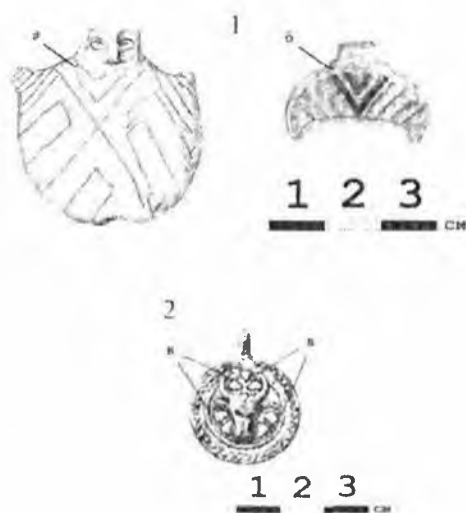

Рис. А2 – находки, содержащие ритуальные знаки:

1 – находки, содержащие двойной шеврон:

а – статуэтка культуры винча (V тыс. до н.э.),

б – лунница из курганного могильника Восход;

2 – монетовидная привеска,

в – стилизованное изображение.

Рассматривая изображения знака «V» на статуэтках, видно удивительное сходство, которое заключается в том, что центральный маленький знак «v» вписан в большой знак «V». И эта же композиция является центральной на широкоугольных косолинейных лунницах. Относительно такого удвоения знаков в V тыс. до н.э. М. Гимбутас высказывает вероятность того, что оно могло нести заклиательный или магический смысл [4, с.346].

Б.А. Рыбаков, относительно трёх символических точек на луннице, высказал предположение, что перед нами три позиции солнца [13, с.535]. В таком случае орнаментация данного типа лунниц может представлять собой изображение астрономического цикла развития видимого диска луны, а также содержать в себе символ женского начала, одновременно отождествляющегося и символом языческой богини Мары. Боковые полосы поднятия рельефа могут быть интерпретированы, по мнению Б.А. Рыбакова как, возможное изображение дождя («хлябей небесных») [13, с.535]. Однако данную рельефность можно рассматривать под призмой сообщения о чередовании неких событий, детализирующих указанное выше развитие луны. Пространство между элементами, выполненными поднятием рельефа, заполнено более тёмной зоной понижения, что создаёт очевидную контрастность изображения. Выступающие части рельефа и более низкие зоны имеют одинаковую ширину, в связи с чем, чередуясь, они образуют последовательность светлых и тёмных полос одинаковой ширины (рис. А2:26). Если визуально разделить лунницу на две симметричные части и сосчитать косые линии, включая и линии треугольных знаков, то получится число 7. Согласно лунному календарю, семь суток – это время, за которое луна переходит из одной фазы в другую. Сочетание рельефных понижений и повышений обнаруживают полное совпадение количества светлых и высоких полос с количеством дней в лунном месяце, который, как известно, состоит из 28 дней. Год по лунному календарю состоит из 13 месяцев или «13 лун», каждый из них равняется 28 суткам. Однако общее количество суток будет равняться 364, что давало бы большую погрешность в один день всего за один год. Но существует добавочный день «вне времени», который не является ни днём недели, ни днём года. Таким образом, получается 365-дневный год в лунном календаре. Но, как было отмечено выше, на лунницах из Восхода всего 28 делений. Примечательно, однако, если обратить внимание на левый нижний рог подвески, то мы обнаружим маленький треугольник. По логике, следуя общей направленности излагаемой мысли, данный элемент и будет являться днём «вне времени».

Однако высказанные выше предположения семиотического значения лунниц имеют слабые места. Так, согласно этнографическим данным, образ луны (месяца) в народном художественном ткачестве изображается и в виде ромба или нескольких ромбов, расположенных один в одном. И то время как на лунницах изображены символы треугольной формы. Очень сложно интерпретировать данный знак как знак солнца, т.к. оно традиционно изображалось в виде креста. Тем более кажется нелогичным на всём «лунном пространстве» (речь идёт о шитке подвески), если речь идёт о ширококоротких косолинейных, изображать цикл движения солнца.

Не идеальна и точка зрения по поводу изображения на луннице движения «ночного светила». Ведь, как известно, за лунный месяц Луна пройдёт четыре фазы с промежутком в семь дней. Однако на привеске мы видим лишь три фазы. Может ли маленький треугольник отождествляться с 4-й фазой луны? Весьма сомнительно, т.к. ему не предшествуют короткие линии, да и для изображения одной из фаз данный знак находится в весьма «неравноправном» положении.

Как отмечалось выше, всего на данный момент коллекция лунниц из курганного могильника «Восход» составляет 15 шт. При этом в двух захоронениях содержалось сразу по семь экземпляров. По известным аналогиям такое обнаружение лунниц именно в таком количестве не является большой редкостью. Нам представляется, что в этом находит отражение сакрального значения числа семь. Как известно, в славянском язычестве основной пантеон состоял из семи божеств [13, с. 444].

Вполне вероятно, что обнаружение семи лунниц в одном погребении может интерпретироваться как число основных божеств. Не подлежит сомнению и тот факт, что данный тип привесок наделялся оберегающими функциями. Лунница оберегала от ночных духов и навых сил (душ враждебных им покойников), просыпающихся при свете луны. Как известно, наиболее незащищёнными частями тела от всякого рода нечисти считались те места, которые не прикрывались одеждой, т.е. шея и грудь. По этому шею оберегали орнаменты на воротниках и разного рода амулеты на груди. И, если верно наше предположение, то погребённые в курганах №69 и №45 были защищены всеми семью божествами. Ношение на груди лунниц более чем в единственном экземпляре подтверждается не только археологическим материалом, но и отражено в приведённых выше «мотивах чудесного одевания», где говорится: «...во главе солнце, на сердца месяцы». Т.е. мы видим, что фрагмент заговора локализует «месяцы» на «сердцах», причём «месяцы» во множественном числе.

В украинских и сербских сказках о «приметах царевны» на её теле обычно оказываются отметины в виде солнца, луны и звёзд, причём расположены они или в верхней части тела, или трёхчленно: наверху, в середине и внизу. Описание светил на теле царевны в ряде украинских вариантов сказки весьма близко самоописанию субъекта заговоров, например: *«На голові сонце, на грудях місяць, а на плечах золоте волосся»* или *«під правим плечем дівчини сонце, під лівим – місяць, на чолі – золота зірка, на голові – золоте волосся»* [19].

По средневековым письменным источникам также известно, что в обряде-игре «турицы» обязательное участие принимала группа из семи девушек. Главной фигурой был «тур» (парень в маске быка), от рога которого должны были уворачиваться девушки (рис. А2:2в). По мнению Б.А. Рыбакова, монетовидные подвески с изображением бычьей головы как раз запечатлевают это языческое празднество [13, с.665-666]. Подвески такого рода характерны лишь для земли радимичей, аналогичной им подвеска была встречена только в Латвии [14, с.92]. Заметим, что голову быка окружают семь треугольников, отождествлённых исследователем с числом участников игрища. Имеются и этнографические материалы (купальские песни), указывающие на участие именно семи парней и семи девушек:

«Купала, Купала!
Сем дзевак прапала,
Сем мальцоў прыбыла –
У тых кадулю.
Купала, Купала,
Сем мальцоў прапала.
А на тое месца
Сем девак васкрэсла» [8, с. 88].

В легенде со Слуцкого повета повествуется, что небо имеет семь уровней, мы же можем наблюдать только первый из них. А бог живёт на последнем – седьмом. По мнению Н.Г. Гусакова, в ряде мифологий можно характеризовать общую идею Мира. Из реконструкции основного мифа известно, что Перун находится на небе, где вместе с ним Солнце и Луна [8, с. 83].

Таким образом, семиотическое толкование ширококорогих косолинейных лунниц остаётся открытым. Каждая из существующих в научном мире точек зрения имеет определённые слабые стороны. Достаточно спорным остаётся вопрос о природе происхождения лунниц. Если гово-

речь о культурной традиции Византийской империи, то лунница будет являться символом Девы Марии, а три символические точки уже интерпретируются не как лунные фазы, а могут рассматриваться, как отражение трёх ипостасей Бога: Бог-Отец, Бог-Сын и Святой Дух.

Список использованных источников

1. Бланкофф, Ж. Языческие пережитки в женских украшениях Древней Руси. / Ж. Бланкофф // 1000 років Чернігівській єпархії. – Чернігів, 1992. – 121 с.
2. Богомольников, В.В. Радимичи: По материалам курганов X–XII вв. / В.В. Богомольников. – Гомель: Гомельский государственный имени Франциска Скорины, 2004. – 226 с.
3. Власов, А.Г. К вопросу о календаре верхнего палеолита / А.Г. Власов // Советская археология. 1989, № 2. – с. 5-23.
4. Гимбутас, М. Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы. / М. Гимбутас. – М.: Российская политическая энциклопедия. – (РОССПЕН), 2006. – 572 с.
5. Гольмстен, В.В. Лунницы Императорского Российского Исторического Музея. Исторического Музея за 1913 год. / В.В. Гольмстен. – М., 1914.
6. Даркевич, В.П. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси / В.П. Даркевич // Советская археология. – М., 1960. – № 4. – с.56-67.
7. Журжалина, Н.П. Древнерусские привески-амулеты и их датировка / Н.П. Журжалина // Советская Археология. – М., 1961. – №2. – с.122-140.
8. Зайкоўскі, Э.М. Касмалагічныя ўяўленні старажытнага насельніцтва Беларусі / Э.М. Зайкоўскі // Гістарычна-археалагічны зборнік. Ч. I. – Мінск, 1993. – с.79-93.
9. Познанский, Н. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. / Н. Познанский. – М.: Индрик, 1995. – 352 с.
10. Рьер, Я.Г. Сельское общество Могилёвского Поднепровья X–XIII вв. По археологическим данным монография / Я.Г Рьер. – Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2010. – 176 с.
11. Рыбаков, Б.А. Язычество Древней Руси. / Б.А. Рыбаков / – М., 1987.

12. Рыбаков, Б.А. Декоративно-прикладное искусство Руси X – XIII вв. / Б.А. Рыбаков. – Ленинград: Аврора, 1971.

13. Рыбаков, Б.А. Древности Чернигова / Б.А. Рыбаков // МИА. – №11 – М.-Л., 1949.

14. Рыбакоў, Б.А. Радзімічы / Б.А. Рыбакоў // Працы секцыі археалёгіі Т.ІІІ – Менск: Інстытут гісторыі, Беларускае акадэмія навук. 1932. – С. 141-151.

15. Свастика в изображениях «кругов на злаковых полях» // Энциклопедия свастических символов. Режим доступа: <http://www.dazzle.ru/spec/svastika11.shtml>. – Дата доступа: 04.10.2010.

16. Седова, М.В. Украшения из меди и сплавов в кн.: Древняя Русь. Культура и быт. / М.В. Седова. – М.: Наука, 1997. – С.63-78.

17. Степанова, Ю.В. Женский головной убор с височными кольцами X – XIII вв. (по материалам погребальных памятников Верхневолжья).

18. Топорков, А.В. Мотив «чудесного одевания» // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика

19. Тюняев, А.А. «Лунница», славянская подвеска – лунный календарь // Энциклопедия свастических символов

20. Хамайко, М. Древнерусские лунницы XI-XIII вв.: проблема происхождения и семантики. / М.Хамайко // Наукові записки з української історії. Збірник наукових статей. – Вип. 20. – Переяслав-Хмельницький, 2008. – 56 с.